

На перемене перед последним утренним уроком Цзао Цинь лениво дремал, уткнувшись лицом в сложенные на парте руки. Первые два часа он просидел как на иголках, всё гадая, явятся ли по его душу Сун Чэн со своими друзьями.

Но те так и не пришли. Обе перемены они сразу после звонка куда-то уходили, и Цинь наконец-то немного успокоился.

Он осторожно прикоснулся ладонью к колену, проверяя, сильно ли ещё ноет вчерашний ушиб.

Вдруг солнечный свет загородила чья-то тень. Кто-то требовательно постучал костяшками пальцев по парте.

Вскинув голову, он наткнулся на холодный, бесстрастный взгляд Сун Чэна. Тот высился над ним каменным изваянием. Цзао Цинь мгновенно лишился остатков сна; от неожиданности он испуганно округлил глаза, и Сун Чэн под этим чистым, беззащитным взором на секунду смущённо отвёл лицо в сторону.

На нежной, бледной щеке Циньцзиня отпечатались складки рукава. Он сидел, глупо задрав голову и хлопая ресницами — сонный, взъерошенный, точь-в-точь разомлевший на солнышке котёнок.

Сун Чэн промолчал. Лишь кадык на его горле едва заметно дёрнулся. Он молча опустил на парту маленький белый тюбик и, резко развернувшись, вышел из класса.

Проводив его растерянным взглядом, Цзао Цинь взял тюбик. Повертел его так и сяк, но, так и не разобравшись, что это за мазь, просто сунул в карман брюк.

Обедал Цзао Цинь в компании нескольких одноклассников. Заправлял всем тот самый парень, которому он утром подарил сливочную ириску. По дороге в столовую мальчишки, то ли убоавшись, что очаровательный тихоня заскучает в одиночестве, внезапно окружили его плотным кольцом. Они дружески толкали друг друга локтями, наперебой пытались протиснуться ближе к Циньцзиню.

Ему даже за подносом идти не пришлось — всё принесли на блюдечке, оставалось только ложкой двигать. Если не считать того, что вся компания неотрывно пялилась ему в рот и засыпала какими-то нелепыми вопросами, обед прошёл просто чудесно. Для Цзао Циня, который привык сидеть за столом один, это были самые весёлые полчаса за долгое время.

Лишь у дверей общежития Цзао Цинь наконец остановился и повернулся к своим провожатым. Его щёки нежно алели, а пухлые розовые губы приоткрылись, готовые что-то сказать. Из-за того, что они стояли вплотную, до ребят донеслось сладкое, дурманящее благоухание,

исходившее от его кожи. Головы у парней мгновенно пошли кругом от этой близости. Не остановись Циньцинъ сейчас, они бы, верно, так и ввалились за ним в комнату, отказываясь уходить.

— Ну, я пришёл, — Цзао Цинь прикусил губу и взялся за дверную ручку. — Спасибо, что сходили со мной на обед, — быстро и едва слышно пролепетал он.

И шмыгнул в комнату. Он явно жутко смутился от собственной смелости.

Ребята так и застыли перед закрытой дверью, затаив дыхание. Оцепенение не спадало ещё долго, и никто не мог вымолвить ни слова.

Прижавшись спиной к двери, Цзао Цинь облегчённо выдохнул и поднял глаза. Напротив стоял Цинь Цзышуай.

К росту своего соседа Циньцинъ уже понемногу привык, но тот всё равно казался ему настоящим великаном. Особенно сейчас: с этим каменным, непроницаемым лицом Цинь Цзышуай выглядел пугающе свирепым.

Тот, похоже, тоже только-только вернулся в общежитие. Он небрежно швырнул куртку на кровать. Сквозь тонкую ткань рубашки угадывался рельеф крепких, сухих мышц — без лишней тяжеловесности, но очень внушительно.

Заметив вошедшего, Цинь Цзышуай удивленно моргнул, и вся его напускная суровость тут же растаяла без следа. Он в два шага пересёк комнату, склонился к лицу Цзао Циня и обеспокоенно спросил:

— Что с тобой? Чего ты так покраснел?

— А? — растерялся Циньцинъ и коснулся ладонью щеки. Она и правда горела.

В этот момент в дверь негромко постучали.

Снаружи стояли давешние одноклассники. Воздух вокруг них, казалось, так и искрил от нетерпения. Все они замерли в томительном ожидании, уставившись на запертую дверь. Заводила крепко сжимал в руке бутылку с водой — ту самую, которую он специально купил для Циньциня в столовой. Малыш успел сделать всего пару глотков и оставил её на столе, но заботливый однокашник вовремя заметил это и прихватил с собой.

Щель приоткрылась, и у стоявших на пороге парней перехватило дыхание.

Но вместо милого Циньциня перед ними выросла грозная фигура. Смуглый парень с экзотическими чертами лица недовольно хмурился, перекрывая собой весь проход так, что за его широкими плечами ничего нельзя было разглядеть.

Увидев незваных гостей, он помрачнел ещё сильнее:

— Вы кто такие?

— Мы... друзья Цзао Циня.

Цинь Цзышуай окинул парней тяжёлым, оценивающим взглядом. На всякий случай он прикрыл дверь ещё плотнее, чтобы Циньцин сзади не вздумал высунуть свой любопытный нос.

— Всё, что нужно, можете передать через меня. Мы с ним очень близки.

Сзади Цзао Цинь тихонько тыкал его пальцем в поясницу, безмолвно призывая к порядку.

Цинь Цзышуай, не глядя, завёл руку за спину и вдруг перехватил его ладошку. Ручка Циньциня была намного меньше его собственной — нежная, гладкая, тёплая, словно кусочек изысканного нефрита. Поддавшись порыву, он легонько сжал её и погладил пальцами.

Подобная наглость не на шутку возмутила Циньциня. Он сердито шлёпнул нахала свободной ручкой, высвободил ладонь, а на прощание ещё раз ощутимо треснул соседа по пальцам.

Губы Цинь Цзышуая невольно дрогнули в довольной усмешке.

— Э-э... мы просто обедали вместе, и Циньцин забыл свою воду, — парень неловко поднял бутылку, пытаясь заглянуть за плечо соседа. — А где он сам?

— Ясно, — Цинь Цзышуай бесцеремонно выхватил бутылку. — Он занят.

И захлопнул дверь прямо перед их носами, ни капли не заботясь о правилах приличия.

Потоптавшись у порога, ребята поняли, что Циньциня им сегодня больше не видать, и нехотя побрели прочь.

Цзао Цинь ошарашенно уставился на соседа. Вообще-то он не стал выходить к ребятам просто от стеснительности, а толкал соседа в спину лишь для того, чтобы тот сменил гнев на милость. Кто же знал, что Цинь Цзышуай поведёт себя так беспардонно? В обычные дни он бы себе такого не позволил.

Цинь Цзышуай развернулся, мягко подтолкнул Циньциня за талию к кровати, заставив присесть на край, и поставил бутылку на стол. Затем он взял заготовленный лечебный спрей и легонько встряхнул флакон.

Цзао Цинь насупился, его капризные губы обиженно надулись:

— Зачем ты так грубо с моими одноклассниками? Они вообще-то проявили дружелюбие и поделились со мной обед!

«Если они обидятся, мне в следующий раз опять придётся сидеть в столовой одному», — с грустной досадой подумал он.

Цинь Цзышуай перестал трясти баллончик.

— Да вовсе я не грубил, просто разговаривал как обычно... — Его голос мгновенно упал чуть ли не до шёпота. Опустившись на одно колено прямо перед Циньцинем, он преданно заглянул ему в глаза: — Я ведь тоже могу ходить с тобой на обед. И мазать тебя лекарством могу.

Цзао Цинь опустил голову. Под сенью его пушистых, тёмных ресниц невозможно было прочесть ни единой мысли.

— Всё-таки злишься? — спросил Цинь Цзышуай, снизу вверх ловя его взгляд. Он упёрся ладонями в матрас по обе стороны от бёдер Циньциня, мягко заключая его в капкан своего тела.

Цзао Цинь покосился на него, демонстративно ткнул пальчиком в собственное колено и, слегка вскинув подбородок, капризно протянул:

— Ладно. В наказание за плохое поведение будешь обрабатывать мне рану. И смотри не смей делать мне больно!

Цинь Цзышуай опешил. В следующую секунду он вдруг обхватил его голени руками и уткнулся лицом прямо в его бедро. Его широкие плечи мелко затряслись от беззвучного смеха.

Цзао Цинь вздрогнул, собираясь велеть ему немедленно встать, но сосед уже поднял голову. В его тёмно-зелёных глазах плескалась бездонная глубина, а голос прозвучал непривычно хрипло:

— Слушаюсь и повинуюсь, принцесса.

Кончики ушей Цзао Циня мгновенно запылали.

* «Система, скажи же, я его полностью подчинил?»*

* «Главное, чтобы ты был счастлив».*

Брюки от школьного костюма сидели на Циньцине довольно плотно, к тому же ткань была жестковатой. Цинь Цзышуай попробовал закатать штанину, но она застряла на самой полной части икры и наотрез отказалась двигаться дальше, так и не открыв пострадавшее колено.

— Может, просто снимешь штаны? — предложил Цинь Цзышуай, сдавшись после очередной попытки. На его лице читалась абсолютная растерянность.

Цзао Цинь замялся. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы неловко возразить:

— Ну уж нет, давай лучше я сам попробую.

Раздеваться перед посторонними казалось ему верхом неприличия. К столь радикальным шагам он точно не был готов.

В итоге Цинь Цзышуаю пришлось изрядно повозиться. Он всё же ухитрился натянуть плотную ткань выше колена. Жесткий край ощутимо сдавил нежную кожу, оставив на бедре глубокий след, а тонкая белая ножка успела заметно порозоветь от всех этих манипуляций.

Небольшой ушиб, который прошлым вечером казался пустяковым, сегодня налился густой синевой. Мрачное багрово-синее пятно выглядело пугающе уродливым на фоне безупречно белой, фарфоровой кожи Циньциня.

Цзао Цинь и сам не подозревал, что травма окажется настолько серьёзной. В голову невольно закрались сомнения: а был ли вообще толк от вчерашнего ледяного компресса, с которым так носился его сосед?

Впрочем, сейчас Цинь Цзышуай выглядел на удивление сосредоточенным. Даже если пользы от его стараний было мало, за одно только рвение его стоило похвалить.

Мужчина осторожно обхватил бедро Циньциня чуть выше колена; его грубые пальцы слегка погрузились в мягкую, податливую плоть. Устроившись поудобнее, он направил флакон и нажал на дозатор, орошая ушиб облаком целебной взвеси. Отложив баллончик, он принялся легонько обмахивать влажное колено ладонью, остужая кожу.

То ли подействовало лекарство, то ли сработало самовнушение, но ноющая боль действительно мгновенно утихла.

Когда Цинь Цзышуай принялся аккуратно расправлять штанину, Цзао Цинь восторженно

защебетал, сияя глазами:

— Ничего себе! Мне правда больше не...

Он не успел договорить «больно» — его внимание привлёк резкий звук со стороны входа. Слегка приоткрыв рот от удивления, он замер и повернул голову.

На пороге стоял Сун Чэн. Казалось, вокруг него клубится осязаемое, тяжёлое облако мрака и глухого раздражения. Окинув взглядом двусмысленную картину, он ледяным тоном спросил:

— И чем это вы тут занимаетесь?

Сун Чэна так и подмывало съязвить. Насколько он помнил, эти двое никогда не ладили. Ещё вчера Цинь Цзышуай издевательски насмеялся над Циньцинем, а сегодня без всякого стыда стоит перед ним на коленях, массирует ноги и преданно заглядывает в глаза, словно дворový пёс, вымаливающий ласку.

И ладно бы у кого-то другого, но ведь этот «хозяин» ещё недавно клялся в любви самому Сун Чэну!

Вся эта сцена выглядела вопиюще нелепо. В конце концов, когда вчера Цинь Цзышуай с гнусной ухмылочкой выпытывал подробности их уединения, в его поведении не было и намёка на какую-то нежность к Цзао Циню. Одни только злорадные издёвки.

Ни один, ни второй не поспешили с ответом.

Цинь Цзышуай по-прежнему крепко сжимал в ладони обнажённую, белую лодыжку Циньциня. Он победоносно вскинул бровь, глядя на вошедшего с неприкрытым вызовом.

Цзао Цинь лишь растерянно моргнул, явно не понимая, что происходит. И эта его глуповатая, детская непосредственность заставила Сун Чэна ощутить укол непонятной, жгучей досады.

— Вижу, вы отлично ладите, — процедил Сун Чэн, подавляя злой смешок.

Бросив эту фразу сквозь зубы, он резко захлопнул дверь и ушёл.

В комнате вновь воцарилась тишина.

Цзао Цинь в полном замешательстве повернулся к соседу:

— Чего это он ушёл?

А ведь Циньцинъ так надеялся завязать дружеский разговор, чтобы прощупать почву и узнать, нельзя ли сегодня вечером улизнуть вместе с ними за ворота школы.

Цинь Цзышуай мельком зыркнул на дверь. Опустив взгляд на Циньциня, он изобразил на лице крайнее замешательство и недовольство — правда, сыграно это было настолько топорно, будто он репетировал роль в дешёвой мыльной опере.

Цзао Цинь ухватился за простыню, намереваясь убрать ногу, но сосед крепко держал его за лодыжку. От лёгкого рывка мягкая кожа Циньциня смешно присобралась между пальцами Цинь Цзышуая. Тот и не думал его отпускать.

— Да что с тобой такое... — начал было Цзао Цинь.

Этого вопроса Цинь Цзышуай только и ждал. Он перебил его на полуслове:

— Да сто процентов он ушёл из-за того, что увидел нас вместе! Он ведь терпеть тебя не может, а теперь, раз мы общаемся, заодно и меня возненавидел.

Цинь Цзышуай бережно устроил ножку Циньциня на своём колене и стал медленно, сантиметр за сантиметром, расправлять закатанную ткань штанины. Он действовал с невероятной, почти благоговейной нежностью, совершенно не вязавшейся с его диким и дерзким видом — точь-в-точь свирепый дракон, прячущий от чужих глаз своё самое драгоценное сокровище.

— Кому захочется дышать одним воздухом с теми, кого презираешь? — глухо добавил он.

— Неужели? — Циньцинъ недоверчиво надул губки, но, поразмыслив над их с Сун Чэном натянутыми отношениями, решил, что логика в словах соседа всё же есть.

Тем временем Сун Чэн спустился на этаж ниже, в комнату к двум другим игрокам. Не примени он в самом начале предмет иллюзии, его бы, скорее всего, заселили сюда же. А может, раскидали бы по разным комнатам с остальными участниками. Впрочем, до чужих раскладов ему не было никакого дела.

Стоило ему переступить порог, как навстречу выскочил Чжун Цзо:

— Ну что? Нашёл телефон того несчастного NPC?

Сун Чэн промолчал.

С тех пор как Цзао Цинь ушибся, он успел сделать не меньше десятка снимков колена — у него набралась целая галерея, по которой можно было отслеживать все стадии созревания синяка.

Камера выставила высокую контрастность, из-за чего на экране телефона тёмная, зловещая гематома казалась ещё ярче на фоне белоснежной, почти прозрачной кожи.

Немного поколебавшись, Циньцинь выбрал самый жуткий на вид снимок и отправил его матери. Вообще-то он терпеть не мог жаловаться и волновать её по пустякам, но сейчас у него просто не оставалось выбора.

****[Изображение]****

«Мама, а когда я смогу приехать домой? Я тут в школе поранился...»

«*Плачущий котёнок.jpg*»

С той стороны долго не было ответа.

Цзао Цинь уже надулся и собрался было набрать её номер, когда на экране наконец высветилось входящее сообщение:

«У твоего отца сейчас завал на работе, дома полный бедлам, нам совсем не до тебя. Поживи пока в общежитии, Циньцинь. Мама тебя любит».

И ни единого вопроса о том, как он себя чувствует. Никому не было дела до того, болит ли колено, как он ухитрился так упасть и не обижает ли его кто-нибудь в этой закрытой школе.

Подобные отписки Цзао Цинь получал постоянно. Сценарий всегда был один и тот же: «дома проблемы, побудь в школе», «отец не в духе, останься в общежитии». Его просто-напросто не хотели видеть дома.

Система уверяла его, что всё дело в природе этого мира испытания: всё пространство за пределами школьного забора физически не существовало, а все его тёплые воспоминания о детстве и родителях были лишь искусственно созданной фальшивкой.

Но как бы он ни старался, разум наотрез отказывался принимать эту жуткую правду. Он не мог поверить, что его прошлая жизнь — мыльный пузырь. В глубине души он по-прежнему считал себя избалованным, любимым сыном влиятельных сородичей из клана крови.

Цинь Цзышуай ушёл по каким-то делам. Цзао Цинь остался один. Он закопался в подушки и одеяла, свернувшись уютным маленьким клубочком. Тёмные пряди рассыпались по постели. Насупившись, он сердито сверлил взглядом светящийся дисплей; тонкое, хрупкое запястье белело в полумраке комнаты.

Он скопировал ту же фотографию синяка и отправил её Ли Чжиюэ — хотя тот упрямо игнорировал все его прошлые сообщения.

«Старшеклассник Ли, я правда-правда осознал свою ошибку! Если ты меня простишь, ты станешь самым-самым лучшим сородичем на всём белом свете! TvT»

Но стоило тексту уйти, как покорность Циньциня испарилась без следа. Он яростно заскрежетал зубами и прошипел под нос:

— Да даже если ты меня простишь, я тебе это до гробовой доски припоминать буду! Ни за что не забуду твою холодность, так и знай!

В голове раздался безмолвный вздох Системы.

Для этого ИИ Цзао Цинь был первым подопечным, и Системе втайне очень хотелось верить, что другим системам достаются куда более адекватные игроки.

<http://bllate.org/book/18271/1763090>